

ИСТОРИЧЕСКАЯ ГРАММАТИКА

Романская филология. Т. I. Екатеринбург, 1993

Б. П. Нарумов

Институт языкознания

РАН, Москва

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ

ИСТОРИЧЕСКИХ ГРАММАТИК

ИБЕРОРОМАНСКИХ ЯЗЫКОВ

На основе анализа ряда исторических грамматик испанского, португальского и каталанского языков делается вывод о противоречивости объекта и предмета описания. Поскольку материалом исследования послужили в основном письменные тексты, то объектом описания выступает фактически литературный язык; в то же время в соответствии с задачами сравнительно-исторического языкознания предметом исследования являются изменения языковых фактов во времени, происходящие в результате действия неосознанных тенденций языкового развития, которые характерны для устной речи.

Исторические грамматики иберороманских языков – своеобразный жанр лингвистического описания, бытовавший в основном в первой половине XX в. Хотя по некоторым причинам этот жанр не получил развития в современном иберороманском языкознании, анализ содержания исторических грамматик представляется весьма полезным при разработке принципов и методов современной диахронической лингвистики.

Исторические грамматики имеются для всех четырех иберороманских языков: испанского, португальского, каталанского и галисийского. Первой такой грамматикой можно считать грамматику испанского языка Р. Менендеса Пидалья (1905 г.), неоднократно переиздававшуюся (Menéndez Pidal 1929). К началу XX в. (1914 г.) относится и грамматика В. Гарсии де Диего, также переиздававшаяся (García de Diego 1970). Ему же принадлежит первая и пока единственная историческая грамматика галисийского языка, изданная в 1909 г. и переизданная факсимильным изданием в 1984 г. (García de Diego 1984). Одной из лучших и полных грамматик по праву считается историческая грамматика Ф. Ханссона (Hansson 1910).

Наиболее полной исторической грамматикой каталанского языка является грамматика А. М. Бадиа-и-Маргерита, первоначально опубликованная на испанском языке (1951 г.), а затем вышедшая в переводе самого автора на каталанский язык (Badia i Margarit 1981). Хотя эта грамматика, как и две другие (McIl 1952; Griera 1965), были опубликованы примерно на полвека позже исторических грамма-

тик испанского языка, принципы построения и тех, и других почти идентичны несмотря на столь ощутимую разницу во времени.

Для португальского языка укажем на исторические грамматики Ж.Нунеша (Nunes 1975) и М.Саида Али (Said Ali 1965), неоднократно переиздававшиеся, но написанные в первые десятилетия нашего века. Кроме того, сведения по исторической грамматике составляют существенную часть "историй языка", вышедших под различными названиями (Mattoso Câmara 1976; Silva Neto 1979). Впрочем, то же самое верно и для других иберороманских языков.

Хотя в самих грамматиках редко можно найти эксплицитное изложение задач и методов изучения истории системы языка, внимательный их анализ наталкивает на мысль, что избранный в них способ подачи материала идет от исторических грамматик романских языков Ф.Дига и В.Мейер-Любке, а внутри самого иберороманского ареала несомненным образцом послужила грамматика Р. Менендеса Пидалья. Я. Малкиель, посвятивший в свое время отдельное исследование проблематике исторических грамматик, отмечает наличие методологического консерватизма даже в самых выдающихся работах этого жанра (Mal'kiel 1968; 145).

Показателем пренебрежения к методологической стороне дела может служить следующий факт: лишь в одной из рассмотренных нами грамматик мы нашли определение самой исторической грамматики, которая изучает языковые факты в их последовательном развитии, от их возникновения до наших дней (Lima Coutinho 1973, 13). В остальных же грамматиках мы не найдем описания ни принципов построения, ни методов, ни объекта и предмета исследования. Все это читатель может извлечь, лишь анализируя само описание, способ подачи материала.

Рассмотрим прежде всего объект исторических грамматик, т.е. те языковые образования, которые историк языка считает нужным подвергнуть анализу.

Языковая жизнь Пиренейского полуострова достаточно сложна и характеризуется большим разнообразием языковых образований; это прежде всего литературные языки: испанский, португальский, каталанский, галисийский, которые представлены к тому же рядом вариантов. Далее, это ряд диалектов севера полуострова (леоно-астурийские и арагоно-наваррские), которые наряду с кастильским диалектом, легшим в основу литературного испанского языка, являются

непосредственным продолжением латыни в соответствующих регионах (т. н. стационарные диалекты); в настоящее время они представлены в виде контаминированных образований, возникших в результате взаимодействия с испанским языком, однако это не мешает попыткам создания стандартных астурийского и арагонского языков. Стационарным диалектам противопоставлены "колониальные" диалекты юга Испании (андалузский, мурсийский), представляющие в историческом плане модификации кастильского диалекта, распространившегося на юг в процессе Реконксты и взаимодействовавшего с мосарабскими диалектами. Наряду с территориальным богатством представлено социальное зарыирование языка; особенно интересной для сравнительно-исторического языкознания является такая форма существования языка, как просторечие, в котором находят более последовательное проявление, чем в других формах, тенденции развития устной речи, идущие из глубины веков.

Что же из всего этого богатства языковых образований составляет объект исторической грамматики? Наиболее эксплицитные высказывания по этому поводу мы находим у Гарсии де Диего (García de Diego 1970; 8, 14, 15). Объектом его исторической грамматики является кастильский язык, понимаемый им как комплекс диалектов; хотя основным элементом с исторической точки зрения является речь Бургоса, в этот комплекс входят также элементы диалектов севера, центра и юга Испании. Однако, по его мнению, в исторической грамматике должны учитываться только "внутренние" диалекты кастильского языка, среди которых он развивался и которые были им поглощены, но элементы которых сохранились до наших дней и стали составной частью кастильского языка. Напротив, нет необходимости приводить формы таких "характеризованных" языков, как галисийский, астурийский, каталанский или арагонский. Примечательно, что Гарсия де Диего такие испанские диалекты, как арагонский и астурийский, считает, причём именно во внутрилингвистическом, а не социолингвистическом смысле, такими же языками, как каталанский и галисийский.

Между прочим, требование Гарсии де Диего совершенно не выполняется в грамматике Ханссена, в которой кастильские формы постоянно сравниваются с леоно-астурийскими и арагоно-наваррскими, так что его "испанская грамматика" — это грамматика не толь-

ко испанского языка, но и всех тех диалектов, которые были втянуты в единую языковую ситуацию с испанским языком и взаимодействовали с ним. Элементы же сравнения с галисийским, португальским и каталанским придадут ей статус сравнительно-исторической грамматики иберороманских языков, в которой точкой отсчета является испанский язык.

Наряду с диалектами Гарсия де Диего (García de Diego 1970; 22, 23) считает необходимым привлекать материал "вульгарного кастильского", т.е. просторечия. Так, он говорит, что во многих расхождениях с литературным языком в фонетике и этимологии правым часто оказывается народный язык; например, просторечные формы *asconder*, *ascuchar*, *ivierno*, *emendar* более соответствуют латинским этимонам, чем литературные *esconder*, *escuchar*, *inveirno*, *emendar*.

Итак, можно сказать, что для Гарсии де Диего в центре внимания исторического исследования стоит литературный испанский язык, данные которого анализируются при постоянном сравнении с данными диалектов и просторечия. Эту точку зрения можно считать традиционной для всех исторических грамматик, хотя наблюдаются и некоторые отличия в зависимости от степени развитости литературного языка.

Так, А. Гриера, обосновывая самобытность каталанского языка, обращается к такому экстралингвистическому факту, как выдающаяся роль королевской средневековой канцелярии, которая подняла письменный язык на самый высокий уровень; упоминает он и богатую средневековую литературу, сопоставимую с французской или кастильской (Griera 1965; 6). М. Саид Али (Saïd Ali 1965; 18) прямо заявляет, что между диалектом и языком нет существенной разницы; язык — это тот диалект, который был выбран в качестве языка королевской канцелярии.

Эти и другие подобные высказывания свидетельствуют о том, что авторы исторических грамматик иберороманских языков, принципиально не различая язык и диалект, непосредственным объектом исследования сделали литературный язык на фоне окружающих его диалектов и иных форм существования языка. При этом изучается только внутренняя структура языка в отличие от "истории языка", в которых происходит смешение лингвистических и литературовед-

ческих штудий, но в целом объект исторических грамматик не является гомогенным, да, это, видимо, и не было нужным авторам исторических грамматик, так как они не занимались выявлением целостной структуры языка, ограничиваясь описанием её фрагментов и даже отдельных фактов (знаменитый атомизм младограмматиков). Атомизм, нецелостность описания не требуют и целостного объекта. Таковым не является сам литературный язык, представляющий собой результат гибридизации разных форм речи. Отсюда важное следствие для отбора письменных памятников: так как современный испанский язык есть результат процесса гибридизации, то все первые памятники романской речи, известные нам в зоне распространения испанского литературного языка, считаются первыми документами именно этого языка, хотя бы они относились и не к тому диалекту, который лег в основу литературного языка (Alarcos Llorach 1982; 43).

Рассмотрим теперь, как трактуется исследователями предмет исторической грамматики, т. е. те аспекты языковых объектов, которые подвергаются историческому анализу с определенными целями.

Так, С. Силва Нету, проводя различие между "историей языка" и "исторической грамматикой", определяет предмет первой как совокупность наиболее популярных (imitadas) инициатив, более всего соответствующих общему дрейфу (deriva) языка; вторая же дисциплина и призвана изучать этот дрейф, т. е. постепенную реализацию ряда тенденций, которые являются наиболее общими для всех романских языков (Silva Neto 1979; 49, III).

И. Лима Коутиньо определяет задачу исторической грамматики португальского языка как изучение его эволюции в пространстве и времени в соответствии с некоторыми естественными тенденциями, результатом которых являются "языковые навыки португальского народа" (Lima Coutinho 1973; 14); в другом месте он говорит о бессознательных, постепенных и постоянных изменениях (Там же, 136).

Материал других исторических грамматик также свидетельствует о том, что предметом описания являются спонтанные, стихийные, неосознанные языковые изменения. Однако поскольку развитие литературного языка есть сложное взаимодействие спонтанного,

стихийного начала и сознательно регулируемого процесса, то наблюдается определенное противоречие между объектом и предметом исторической грамматики. В качестве объекта обычно выбирается крупный литературный язык, но трактуется он как обычный диалект, так как исследуются лишь те процессы, которые не поддаются сознательному регулированию (и могут быть выражены в форме "законов"). Поскольку каждый исторический язык (термин Э.Косериу) отличается сложной архитектурой различных форм существования (литературный язык, территориальные и социальные диалекты, разговорный язык, просторечие), то оказывается, что проще определить предмет исторической грамматики (спонтанные языковые изменения), чем найти объект, в котором такие изменения представляли бы в чистом виде. Литературный язык осознанно или неосознанно становится объектом исторических грамматик, когда речь идет о "старых" романских языках, но кто бы стал создавать историческую грамматику "неороманских" литературных языков типа галисийского или корсиканского, процесс создания которых происходит на наших глазах и искусственный характер литературной нормы которых совершенно очевиден?

Материалом исторических грамматик послужили прежде всего письменные тексты и лишь во вторую очередь наблюдения над живой диалектной речью. Может быть, это обстоятельство и обусловило тот факт, что объектом исторической грамматики в основном является литературный язык. Но тексты на литературном языке, как и записи других видов речи являются всего лишь материалом, из которого историк языка выделяет те факты, которые носят системный, регулярный, спонтанный характер и могут составить предмет исторической грамматики.

Внимательное изучение композиции исторических грамматик позволяет понять цели и принципы их составления. Обращает на себя внимание наличие в большинстве из них сведений, характерных для обычных грамматик современных языков: ареал распространения, диалектное членение, описание физиологии звуков, принципы фонетической транскрипции и официально принятой орфографии и др. Если мы обратимся к фонетическим разделам грамматик, то увидим, что сначала дается описание звуков современного языка, а затем подробно объясняется происхождение каждого звука или звукосочетания из латинских. Поэтому когда Я. Малкиэль утверждает, что 99% ис-

торических грамматик проспективные (Malkiel 1968; 82), т. е. изложение ведется от латыши к романским языкам, то такое утверждение, по крайней мере в отношении иберо-романских грамматик, следует признать неверным. Общее направление описания оказывается ретроспективным, так как задача описания — показать, откуда возникли те или иные звуки и формы, а не, скажем, проследить эволюцию латинской системы гласных во времени; ведь в рассматриваемых грамматиках описывается отдельно изменение каждого звука, а не их система. Лишь в грамматике каталанского языка Бадиа-и-Маргарита помещены таблицы, дающие общее представление об эволюции звуков в каждом из основных диалектов каталанского языка. Но эта грамматика была составлена намного позже других, первые же исторические грамматики публиковались, по-видимому, именно как научные грамматики в противопоставление нормативным, а в ту эпоху понятие научности обязательно связывалось с понятием историчности. Таким образом, задачей первых исторических грамматик фактически было описание фонетики и морфологии современных языков, но в исторической перспективе с указанием происхождения звуков и форм, поэтому к этим грамматикам как нельзя лучше подходит название, которое дал своей грамматике Ф. Ханссен: *Spanische Grammatik auf historischer Grundlage* "Испанская грамматика на исторической основе".

Ретроспективность описания приводит к тому, что рассматриваемые исторические грамматики на самом деле оказываются вовсе не историческими (Mondéjar 1985; 10), так как в них отсутствует целостное описание развития латинской фонетической и грамматической системы в системе иберо-романских языков. Неслучайно поэтому исследователи указывают на панхронический или метакронический характер традиционных исторических грамматик. Реакцию на метакронические схемы исторической грамматики представляет появление такого жанра лингвистического описания, как "история языка" (Catalán 1974; 63, 129), для которого характерно рассмотрение эволюции языков в тесной связи с историей говорящих на них народов. Однако нельзя представлять дело так, что в истории романского языкознания один жанр сменил другой как более "научный". История языка не отменяет историческую грамматику, но современная лингвистика предъявляет к ней совершенно иные требования.

Вторая половина XX в. в романском языкознании характеризуется бурным развитием социо- и прагмалингвистических исследований, в том числе и в историческом плане. Однако изучение различных языковых состояний в их вариативности и в тесной связи с условиями соответствующих речевых коллективов вовсе не означает отмены методов сравнительно-исторических и историко-типологических исследований. Достоинство исторических грамматик заключается как раз в их формульности, в том, что за многочисленными временными, пространственными и социальными вариантами они помогают разглядеть основные тенденции и результаты развития, внутреннюю логику развития языковых систем. Именно исследования по исторической (диахронической) лингвистике позволяют обнаружить признаки единой направленности развития от народной латыни к романским языкам, т. е. "типологические романизмы", поиск которых представляется насущной задачей современного романского языкознания (Алисова 1980; 4). Таким образом, если жанр исторических грамматик можно считать в настоящее время устаревшим и вряд ли следует ожидать в ближайшем будущем появления новых исторических грамматик, исследования по (внутренней) диахронической лингвистике с учетом новейших достижений лингвистической теории являются актуальной задачей как иберо-романского, так и романского языкознания в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Алисова Т.Б. Константы языкового развития и типология романских языков // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз., т. 39, 1980, № 1.
- Alarcos Llorach B. El español, lengua milenaria (y otros escritos castellanos). Valladolid, 1982.
- Baía i Margarit A.M. Gramàtica històrica catalana. València, 1981.
- Catalán D. Lingüística íbero-románica. Crítica retrospectiva. Madrid, 1974.
- García de Diego V. Gramática histórica española. Madrid, 1970.
- García de Diego V. Elementos de gramática histórica gallega

(Fonética - Morfología). 1909. Ed. facs. // "Verba", Anexo 23. Vigo, 1984.

Griera A. Gramática histórica catalana. Sant Cugat del Valles, 1965.

Hanssen F. Spanische Grammatik auf historischer Grundlage. Halle, a. S., 1910.

Lima Coutinho de, I. Pontos de Gramática Histórica. Rio de Janeiro, 1973.

Malkiel J. A tentative typology of Romance historical grammars // Essays on linguistic themes. Oxford, 1968.

Mattoso Câmara Jr. J. História e estrutura da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1976.

Menéndez Pidal R. Manual de gramática histórica española. Madrid, 1929.

Koll F. de B. Gramática histórica catalana. Madrid, 1952.

Wondéjar J. Sintaxis histórica y sintaxis de una sincronía histórica // "Revista española de lingüística", a. 15, 1985, facs. 1.

Nunes J.J. Compêndio de gramática histórica portuguesa. Fonética e morfologia. Lisboa, 1975.

Said Ali M. Gramática histórica da língua portuguesa. São Paulo, 1965.

Silva Neto da, S. História da língua portuguesa. Rio de Janeiro, 1979.

PEZOME

B.P. Narumov

MATERIA Y OBJETO DE LAS GRAMÁTICAS HISTÓRICAS DE LAS LENGUAS IBERORROMANCES

El análisis de las gramáticas históricas del castellano, del portugués y del catalán permite poner en evidencia la contradicción que existe entre la materia y el objeto del estudio. Ya que la base de la investigación histórica es constituida principalmente por los textos escritos, es la lengua literaria la que sirve realmente de materia pero, al mismo tiempo, en conformidad con los principios de la lingüística histórico-comparativa el objeto propio del estudio son los cambios de los hechos lingüísticos en el tiempo condicionados por las tendencias inconscientes de la evo-

люди́н лингв́ística que son características del lenguaje habla-
do.

Статья поступила
в редакцию 03.03.93

Романская филология. Т. I, Екатеринбург, 1993

В.И.Томашпольский

Уральский пединститут,
Екатеринбург

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ РОМАНСКАЯ
СИСТЕМА ВРЕМЕН

Рассматривается проблема реконструкции протороманской глагольной системы. Ставится цель - реконструировать первоначальную романскую систему времен индикатива на основе сопоставительного изучения романских глагольных систем. Итоги исследования обсуждаются в типологическом аспекте, сопоставляются с латинскими данными и существующими предположениями. Делается вывод о том, что своеобразие реконструируемой системы связано с фундаментальными типологическими свойствами языков, с категориями "бытия" и "обладания" и показывает, что расхождения между литературной латынью и протороманской речью глубже, чем принято считать.

В "Протороманской морфологии" (третьем томе "Сравнительной романской грамматики") Р.А.Холл предлагает свой вариант реконструкции протороманской глагольной системы (21, с.47-100; I4). Основное внимание американский романист сосредоточивает на словоформах. Систему протороманских парадигм он представляет в виде следующей таблицы:

PROTO-ROMANCE TENSES

<u>Tense</u>	<u>Time-Reference</u>	<u>Stem A</u>	<u>Stem B</u>	<u>Stem C</u>
Non-Past	Not restricted	fáket	--	fé ^h kerit ¹
	to past	'he does'	..	'he might do'
Past	Restricted	faké ^h bat	--	fé ^h kit
	to past	'he was doing'		'he did'
Pre-past	Before the past	--	--	fé ^h kerat
	under discussion			'he had done'
Timeless (Subjunctive")	Time non-relevant,	fák(1)at	fákeret	fe ^h kisset
	situation might be different	'(that)he do'	'he might do'	'(that)he did'

¹ В транскрипция Р.А.Холла циркумфлекс, следующий за гласным, обозначает закрытое качество этого гласного.